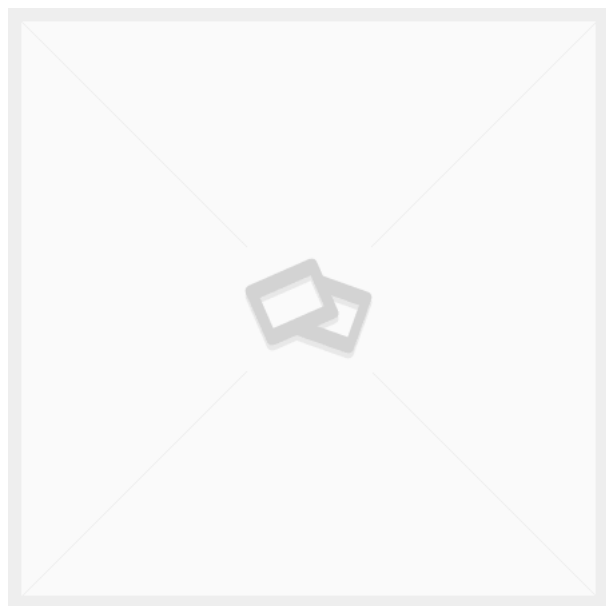

«В ОБСТАНОВКЕ ХАОСА И БЕЗНАДЕЖНОСТИ». КАК ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ СТАНОВИЛИСЬ КАРАТЕЛЬНЫМИ

Posted on 01.05.2023

Спешные расстрелы при отступлении советской армии «на всякий случай» всех заключенных и даже подследственных признавались... обоснованными, тем более, что народные суды в панике «самоликвидировались» — примерно в таких условиях 82 года назад отправлялось правосудие в западных областях СССР. В преддверии Дня Победы Legal.Report решил вспомнить о специфике работы военной юстиции, которая в определенный момент — ввиду совершенно беспрецедентной с правовой точки зрения обстановки — была вынуждена взвалить на себя запредельно жесткие карательные функции.

Второе дыхание «указа семь-восемь»

Историки права периодически вспоминают про не слишком широко известный факт: еще до приснопамятного радиообращения наркома иностранных дел Вячеслава Молотова к советскому народу 22 июня 1941 года были спешно подписаны два особых Указа Президиума Верховного Совета СССР. В соответствии с ними виновные в определенных деяниях подлежали уголовной ответственности «по законам военного времени». Что касается конкретного перечня преступлений, то в него под первым номером попало неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, далее шли преступления, совершенные в местностях, где было объявлено военное положение. Добавим: на таких территориях абсолютно все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались в военно-судебные органы.

В список деяний, подсудных армейским трибуналам, включили разбой, умышленное убийство, уклонение от исполнения воинской обязанности, опять-таки сопротивление представителям власти и государственные преступления, в частности, поименованные в одиозном законе от 7 августа 1932 года — он же «указ семь-восемь» и «закон о трех колосках».

К подсудности трибуналов отнесли также дела, связанные с распространением ложных слухов, «возбуждающих тревогу среди населения» и дела в отношении работников военных предприятий, которые допустили самовольный уход с работы, что приравнялось к дезертирству.

Таким образом, круг гражданских лиц, которых стали отдавать под военные суды, с началом войны весьма существенно расширился. Участь их была незавидной: согласно законам военного времени, дела предписывалось рассматривать трем судьям в упрощенном порядке. То есть, без участия адвокатов и по истечении 24 часов после вручения подсудимым обвинительного заключения. Как отмечают эксперты, по сути был введен алгоритм, совершенно аналогичный установленному спецпостановлением ЦИК и СНК от 1 декабря 1934 года после убийства руководителя ленинградской парторганизации Сергея Кирова — для рассмотрения дел о терактах. Кассационный же порядок обжалования приговора (само собой, нередко расстрельного) в принципе упразднялся.

Наложить, так скажем, вето на его исполнение имели право лишь председатель военколлегии Верховного суда СССР Василий Ульрих и главный военный прокурор Красной Армии Владимир Носов, которых всякий раз уведомляли телеграммой об очередной «вышке». Если же указанные лица не видели оснований для приостановления хода дела, то в течение 72 часов приговоренного казнили.

Сбежали чекисты, сбежала милиция...

Столь впечатляющую суровость можно было отчасти оправдать лишь тем, что в первые месяцы Великой Отечественной войны положение дел — в плане законности и порядка — враз оказалось недопустимо-критическим. Военные контрразведчики телеграфировали из Украины и главным образом из Белоруссии об обстановке полного хаоса и безнадёжности. Давно рассекречены сообщения следующего характера: «22 июня с. г. после бомбежки противником г. Луцка весь партийный и советский аппарат в панике оставил город», «22 июня после первого налета немецких бомбардировщиков в г. Львове началась паника, партийные и советские работники областных организаций мобилизовали весь львовский автотранспорт, собрали свои семьи и большими партиями стали покидать город...», «в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области, все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали... Из Белостока и других городов сбежала вся милиция».

А вот докладная записка военного прокурора Глинки уже от 5 июля 1941 года, прибывшего в Витебск по указанию военного прокурора Западного фронта: «закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, промсоюзы и т. д. и т. п. Тюрьма ликвидировалась. Милиция работает слабо, а НКВД также сворачивает свою работу. Все думают, как бы эвакуироваться самому...»

Далее прокурор Глинка сообщает, что лично им был арестован и отдан под суд военного трибунала начальник местной тюрьмы Приемышев. Последний, видимо, решил не мелочиться с «внутренними врагами» перед лицом врагов внешних и 24 июня вывел из застенков 916 граждан, среди которых большую часть составляли не осужденные, а подследственные. По дороге сам он «в два приема перестрелял 55 человек», а еще чуть погодя, видимо, утомившись, приказал уже конвою в количестве 67 бойцов ликвидировать остальных — что и было оперативно выполнено. Свои действия тюремщик объяснил прокурору тем, что заключенные «хотели бежать и кричали: «Да здравствует Гитлер!»

Судьба старательного Приемышева показательна. Материал расследования бессудного злодеяния лег в итоге на стол аж члену Военного Совета Центрального фронта — 1-му секретарю ЦК КП Белоруссии Пантелеймону Пономаренко, известному с 30-х годов своей концепцией «беспощадной выкорчевки врагов». Действия Приемышева он признал совершенно правильными — и освободил его из-под стражи в тот самый день, когда в Витебск ворвались

части вермахта!

Оправдание как политическая близорукость

Что же касается мер наказания, примененных во время огненного лихолетья военными судьями по конкретным делам, то статистика тоже сурова: с 1941 по 1945 годы к высшей мере наказания было приговорено 217 080 человек, это 8,9% от общего числа осужденных. В середине 1941 года последняя цифра была, разумеется, куда выше.

Было бы, наверное, не слишком справедливо не сказать о многих по-настоящему достойных представителей военно-судебного ведомства, пытавшихся честно служить закону и не усердствовать подобно Приемышеву. Часть из них были репрессированы еще перед войной за то, что отважно протестовали против произвола и вели дела на «врагов народа» объективно, не выполняя спущенный сверху кровавый план.

Но оставались принципиальные служители Фемиды и в годы ВОВ. Мягкие и оправдательные приговоры трибуналов по шитым белыми нитками «контрреволюционным» делам на государственном уровне публично объявлялись ничем иным, как «вредительством в области судебной политики». Следовала крайне болезненная реакция со стороны сотрудников особых отделов, а позже и «Смерша». Честных судей мучили спецпроверками на политическую благонадежность и зачастую они оказывались по ту сторону судебного барьера...

Достаточно широко известно дело полковника юстиции Жагрова — главы военного трибунала войск НКВД Западного фронта. И ему, и его подчиненным фактически устроили разнос в директиве от 20 мая 1944 года «О недочетах при рассмотрении дел об измене Родине и пособничестве врагу». В чем же вина этого судьи? В том, в частности, что из 136 приговоров, вынесенных в 1943 году трибуналом в отношении «изменников и пособников» из числа воронежских крестьян 58 были оправдательными. Все они впоследствии были признаны политически ошибочными и показательно отменены Военной коллегией ВС СССР. Жагрову все же посчастливилось дожить до 1952 года, умереть своей смертью и упокоиться на Новодевичьем кладбище в Москве. До «оттепели» оставалось совсем немного...

Сообщение [«В обстановке хаоса и безнадежности». Как органы военной юстиции становились карательными](#) появились сначала на [legal.report](#).

